

Боярская дума. Шуйские и Бельские

В неполные восемь лет великий князь Иван остался крутым сиротой. Пятилетнее регентство его матери не только не решило проблему взаимоотношений между правителем и аристократией, а, наоборот, только увеличило число поводов для обострения конфликтов между различными партиями и соблазнов к захвату самых высоких постов в государственном управлении, теперь оставшихся никем не занятыми. Сразу же после смерти матери вокруг Ивана стали разыгрываться жестокие сцены борьбы за власть. Уже при известии о смерти Елены Васильевны Глинской один из бояр, М. Тучков, не стесняясь и не опасаясь последствий, публично оскорбил память покойной, произнеся «надменные словеса» [4].

Впоследствии австрийский посол Герберштейн в своих «Записках» отказался от версии отравления Елены Глинской, но сделал это, скорее всего, из соображений «политкорректности». Этот аргумент против отравления Елены, приводимый Р.Г. Скрынниковым, не убедителен. Кроме того, общеизвестно маниакальное отношение взрослого Ивана к любым подозрительным смертям и действиям: он всегда связывал гибель близких людей с версией об отравлении.

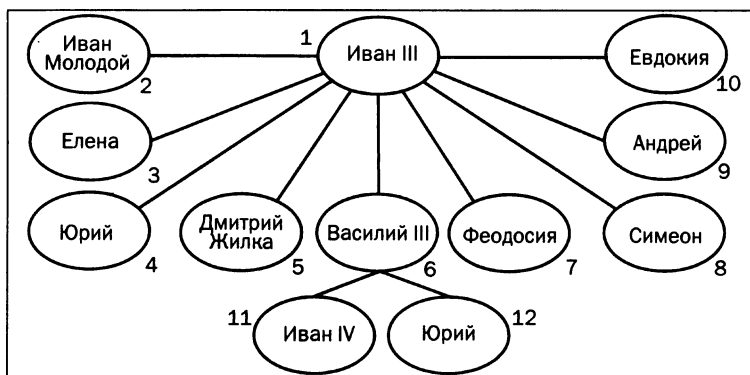
Своей первой задачей боярство считало восстановление всевластия и введение аристократического образа правления. Любые перемены в верхах следовало проводить быстро, не затрагивая при этом чести и достоинства правящей династии (то есть малолетнего великого князя). Еще недавно, во время мятежа князя Андрея Старицкого, московские посадские люди участвовали в волнениях, которые едва не вылились в открытый и очень опасный бунт. Однако теперь вряд ли кто-либо вступился бы за еще

Колокольня «Иван Великий»
в Москве (XVI в.)

вчера всесильного князя Овчину-Телепнева-Оболенского. Главой новой партии в Боярской думе стал хитрый и осторожный князь Василий Васильевич Шуйский. Он сумел объединить вокруг себя большую часть знатных вельмож, а его родovitость обеспечивала ему безусловное старшинство среди претендентов на власть.

Князь Овчина попытался максимально расположить к себе малолетнего великого князя, держал его около себя, осыпал подарками. Но уже через неделю после смерти Елены Глинской князя схватили, лишили имущества и посадили в темницу, где в 1539 г. он умер от голода, разделив судьбу со своими жертвами. В Москве распространились слухи, что его жизнь закончилась иначе: бывшего фаворита якобы заживо замуровали в одну из башен Кремля. Его сестру, боярыню Агриппину Челяднину, бывшую с младенчества мамкой Ивана (через нее князь Овчина и пытался завоевать расположение великого князя), насильно постригли в монахини в далеком северном монастыре в Каргополе. Потеря еще одного близ-

Генеалогия Ивана IV Васильевича Грозного: 1 — Иван III Васильевич (1440—1505), великий князь Московский; 2 — Иван Молодой (1458—1490), великий князь Тверской; 3 — Елена (1476—1513); 4 — Юрий (1480—1536), князь Дмитровский; 5 — Дмитрий Жилка (1481—1521), князь Угличский; 6 — Василий III (1479—1533), великий князь Московский; 7 — Феодосия (1485—1505); 8 — Симеон (1487—1518), князь Калужский; 9 — Андрей (1490—1536), князь Старицкий; 10 — Евдокия (ок. 1492—1513); 11 — Иван IV Грозный (1530—1584), великий князь Московский, царь с 1547 г.; 12 — Юрий (1533—1563), князь Угличский

кого человека из-за боярских раздоров также не прошла незамеченной для будущего Ивана Грозного.

Братья Шуйские возглавили Думу и стали лидерами уцелевших душеприказчиков Василия III. Князь Василий Шуйский демонстративно переехал со своего подворья на подворье князей Старицких, поставив себя таким образом на положение ближайшей родни великого князя. Иностранным послам разъяснили, что потомков суздальских князей Шуйских называть нужно «принцами крови». Уже достаточно старый по меркам XVI в. (более 50 лет) Василий Шуйский женился на малолетней двоюродной сестре Ивана IV Анастасии, дочери крещеного казанского царевича Петра, став еще ближе к трону и войдя в великокняжескую семью. Естественно, все это очень не нравилось соратникам Шуйского. Противостояние в борьбе за власть вновь обострилось, причем нынешние раздоры в правящей верхушке оказались куда опаснее для России.

Князья Шуйские не заботились о том, чтобы защищать престиж центральной власти. Наоборот, они начали устранять с важных постов тех, кто еще со времен Василия III ратовал за сильную великокняжескую власть, причем делали это предельно жестоко. Фактически именно Шуйские подали пример будущему Ивану Грозному, как обходить моральные принципы и свергать авторитеты. Новые временщики в полной уверенности в своей безнаказанности отбирали власть и жизнь у политических противников. Шуйские устранили с кафедры первосвященника опору центральной власти — митрополита Даниила. На его место посадили безынициативного и безопасного митрополита Иоасафа Скрыпицина, бывшего до этого игуменом Троицкого монастыря. Затем арестовали и бросили в темницу племянника Василия III князя Ивана Федоровича Бельского. Впоследствии его выпустили, но выслали из Москвы.

Шуйские без суда схватили думного дьяка Мишурина, раздели донага прямо во дворе царских палат, в таком виде бросили в тюрьму, где и казнили. После того как и это преступление осталось безнаказанным, новые временщики приступили к ликвидации семибоярщины и окончательному захвату власти.

Всего через полгода после смерти Елены Глинской они лишили власти последних членов опекунского совета. Боя-

рина М.В. Тучкова отправили в деревню без права возвращения в столицу, его родственника В.М. Юрьева также лишили постов, он умер менее чем через год.

Князь Василий Шуйский устранил всех опасных соперников, но, почти добившись полной победы над противниками, неожиданно заболел и умер в конце 1538 г. Во главе правительства встал его менее одаренный брат Иван Шуйский. Он обладал меньшим авторитетом и не имел политической хватки, к тому же после неожиданной смерти лидера партия Шуйских растерялась. Князь Иван вступил в бесконечные пререкания с боярами в Думе и вскоре, считая свою власть незыблемой ввиду отсутствия авторитетных лидеров оппозиции, перестал ездить ко двору.

Государственные дела пришли в упадок, ими никто не занимался, на местах неспешно продолжалась губная реформа. В помощь старостам избирались целовальники, которые взяли на себя нелегкое дело борьбы с «лихими людьми». Казань вступила в переговоры и постоянно затягивала их, пока казанские отряды бесчинствовали в приволжских городах и на восточных окраинах России. За несколько лет казанцы привыкли к безнаказанности, сопровождали грабежи издевательствами и откровенным террором московитов.

*Флоро-Лаврская церковь
под Москвой
(перестроена в XVII в.)*

Престиж Московии катастрофически упал. Невнимание Шуйских к внешней политике дало Крыму возможность укрепить в Казани ветвь династии Гиреев. Ранее жестко пресекаемые контакты Крыма и Казани теперь наладились, угроза совместного похода на Москву возрастала с каждым днем. От хана предпочитали откупаться, но бесконечные уступки только провоцировали его на все более наглые требования. Подарки стали ежегодными и начали напоминать старую ордынскую дань. Отношения с другими странами разладились, ни о каком возобновлении стратегического союза с германским импе-

ратором и речи не шло. Статус Московии вновь понизился до второразрядной державы.

Однако это мало волновало князя Ивана Шуйского, который устранился от решения проблем государства, тем самым доказывая свою принципиальную неспособность управлять Московией. На воспитание своего номинального повелителя он не обращал никакого внимания. Великий князь не получил систематического образования: обучение его не прекратилось совсем только благодаря доброй воле немногих любивших Ивана придворных. Временщики же уверовали в незыблемость своей власти и повседневную жизнь великого князя не контролировали. Этим воспользовались недвольные.

Уцелевшие в междоусобицах бояре тайно выхлопотали для Ивана Бельского прощение у великого князя. Помилование выпросил митрополит Иоасаф, которого не устраивала роль пешки в игре Шуйских. Бельский получил право вернуться в Москву. Князя Шуйского с полками отправили во Владимир готовить поход на Казань, поэтому он не мог предотвратить политических перемен. В июле 1540 г. князь Иван Бельский возглавил правительство, период всевластия Шуйских завершился.

Гонения, ссылки и казни прекратились. Иван Шуйский, осознавая свое бессилие, клялся отомстить, но ничего не предпринимал, бойкотируя заседания Думы. Малолетний Иван IV стал орудием для сведения счетов в борьбе бояр. Его постоянно запугивали, натравливали то на одного политического деятеля, то на другого, заставляли принимать участие в сценах расправ с неудобными фигурами. Мальчик от природы неглупый и одаренный становился все более раздражительным и склонным к экзальтации. Во время правления Бельских его ненадолго оставили в покое, предоставив самому себе.

Князь Иван Бельский, в противоположность Шуйским, занялся прощением и возвращением многих опальных. Он помиловал вдову Андрея Старицкого и восстановил Старицкий удел, вернув его сыну Андрея Старицкого Владимиру. Бельский намеревался восстановить мощь правящей династии и создать реальную альтернативу влиянию многочисленного и родовитого клана Шуйских. Князь Иван пытался выхлопотать

Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Подмоскovie (1547)

прощение и своему брату Семену, который уже несколько лет переезжал от врага к врагу, рассчитывая отомстить отечеству за свое изгнание. Однако такого изменника даже малолетний Иван IV, желающий пока всем добра, простить не мог.

Бельскому пришлось расплачиваться за внешнеполитические неудачи Шуйских. Казань и Крым попытались дважды (1540 г. и 1541 г.) совместно совершить поход на Москву, однако разные по своим природным условиям государства вели тактически иные войны, начиная походы не одновременно. Правительство Московии периодически охватывала паника, но бесславного бегства не произошло. Одиннадцатилетний Иван IV стал знаменем сопротивления, стойкости России. Оба натиска успешно отбили, распри среди бояр ненадолго затихли. Бельский даже предложил Шуйскому командовать войсками и продолжить военную карьеру, пожаловав ему звание воеводы.

Бельский пытался привести в порядок дела управления государством, пришедшие в упадок без постоянного контроля. Ранее решение многих проблем возлагалось на государя, его личные качества оказывались важнее любого аппарата чиновников. Теперь наиболее важные вопросы рассматривали новообразованные органы государственной власти. Приказы заменили собой устаревшие управления Государева дворца и Государевой казны. Губные старосты получили помощников — целовальников из черносошных крестьян, борьбу с «лихими людьми» возглавил центральный Разбойный приказ. Внешнеполитическими делами занялся Посольский приказ, который стал налаживать дипломатические отношения до уровня постоянных, а не разовых, как ранее. Центральная власть укреплялась все более, что не могло не тревожить клан Шуйских.

Иван Шуйский, несколько укрепив свой авторитет участием в антикрымской кампании и наладив связь с войсками, стал искать союзников среди бояр, недовольных отстране-

нием аристократии от управления. Вскоре против Бельского и митрополита Иоасафа сформировался заговор, который возглавили князья Кубенские, Дмитрий Палецкий и ведавший казной Третьяков. Заговорщики принялись уговаривать московскую и провинциальную знать поддержать готовящийся переворот. Мятеж случился сразу, как только они удостоверились в отсутствии поддержки у Бельского.

В ночь на 3 января 1542 г. Ивана Бельского арестовали в собственном доме, в Кремле задержали его сторонников среди бояр и чиновников. С криками и угрозами заговорщики отправились к митрополиту, однако тому удалось укрыться в покоях великого князя. Бояре, нисколько не смущаясь присутствия Ивана IV, схватили митрополита прямо в его спальне. Впоследствии царь вспоминал в письмах этот мятеж как один из самых страшных моментов своей юности. Его самого «заставили петь у крестов» [4], выдав незаконные аресты за проявление воли и выполнение просьбы самого монарха.

Иван плохо понимал нюансы боярских интриг, но вполне осознавал, что его заставили участвовать в беззаконном деле. Запуганный великий князь своим подчинением заговорщикам и участием в событиях подтвердил полномочия восставших и фактически одобрил их действия.

Князь Иван Шуйский, оставаясь вне пределов Москвы, оказался как бы не замешанным в сомнительных действиях его соратников. Он прискакал из Владимира только утром и сразу же провозгласил себя главой бояр. Правление Шуйских восстановилось. Первым делом они приступили к расправе с деятелями правительства Бельского.

Ближних к Бельскому бояр устранили из политической жизни, отправив в ссылку в разные города Московии. Митрополита Иоасафа, не оправдавшего надежд Шуйских, низложили и отправили в Кирилло-Белозерский монастырь. Духовная власть продемонстрировала бессилие и беспомощность перед лицом боярских раздоров. Московия второй раз за четыре года лишилась своего пастыря. На место Иоасафа после долгих раздумий поставили архиепископа Макария, славящегося умом, благочестием и сосредоточенностью не на политических, а на богословских и литературных пробле-

Монеты Крымского ханства (XVI в.)

мах. Макарий устраивал всех, что и стало причиной его долгого и безопасно-го управления Русской православной церковью. Новый глава правительства считал, что Макарий, в отличие от предшественника, не будет вести самостоятельной политики и не окажет существенного влияния на Ивана IV.

Ивану Бельскому, достаточно популярному в народе и чресчур близкому по родству к государю, а потому являвшемуся слишком опасной фигурой для самовластия Ивана Шуйского, ссылку в Белоозеро заменили тюремным заключением. Спустя короткое время его тайно убили в темнице верные Шуйскому бояре. По одной из версий, Бельского заковали в многочисленные цепи и оковы, так что он с трудом мог двигаться и через 11 дней умер от голода. На этом гонения прекратились, победившие мятежники не хотели обострять ситуацию. Брата убитого Бельского, князя Дмитрия, одного из главных бояр в Думе, не лишили своего места.

Во второе правление Шуйского государственные дела вновь пришли в упадок, хотя и обстояли несколько лучше, чем в 1538–1540 гг. Нормализовались отношения с Крымом и Казанью; после неудачных походов оба ханства выжидали более удачного момента для продолжения грабежей России. Московская дипломатия нашла им достойный противовес в лице Астрахани, ногайских орд и Молдавии, которые собирались к этому времени объединить свои внешнеполитические усилия. Потенциальным союзникам Московия активно помогала деньгами, стремясь предотвратить их присоединение к империи Гиреев, возможность образования которой оставалась вполне осуществимой, хотя реальное воссоединение Золотой Орды все же откладывалось.

Опасаться активного вмешательства Османской империи в ситуацию на юго-восточных рубежах Московии не приходилось — султан Сулейман пытался в очередной раз занять Вену и вел большую войну в Центральной Европе, к участию в которой привлекал всех своих северных вассалов. Возможно, турецкая угроза стала дополнительным фактором миролюбия Литвы. Во всяком случае, в 1542 г. после непродолжительных переговоров король польский и великий князь Литов-

ский Сигизмунд согласился продлить перемирие еще на семь лет, возобновив нормальные взаимоотношения между двумя странами и разрешив торговлю. Правда, обмен многочисленными пленными так и не состоялся.